КЛАССИКА НАУЧНОЙ МЫСЛИ

В работе «Век толп» (1981), посвященной психологии масс, С. Московичи анализирует теории толпы, созданные Г. Лебоном, Г. Тардом и З. Фрейдом, и вносит свой существенный вклад в развитие этой темы.

Массы, с точки зрения Московичи, есть социальный феномен. Индивиды растворяются в массе под влиянием внушения. Гипнотическое внушение осуществляется вождями масс. Толпа – это человеческая совокупность, обладающая психологической общностью.

Поскольку, по Московичи, сознание индивидуально, а бессознательное – коллективно, то индивид действует сознательно, а масса, толпа – неосознанно. Толпа нуждается в поддержании и управлении вождем. Для управления массой политики, вожди обращаются к неким высшим идеям, которые внедряются в сознание людей с помощью пропаганды, манипуляции.

В толпе стираются различия между людьми, и люди выплескивают в толпе (нередко в жестоких действиях) свои страсти и грезы. Здесь позиция Московичи в понимании толпы как разрушительной силы пересекается с позицией Г. Лебона.

Г. Лебон подошел к феномену массы как социальный психолог: он стремился зафиксировать то общее, что имеет место в любой толпе – будь то революционная масса на улицах Парижа или «толпа» римских солдат. Какова бы ни была социальная принадлежность составляющих ее индивидов, каков бы ни был их интеллектуальный уровень, можно обнаружить определенную общность поведения. Но при этом в поле зрения социальной психологии не попадает то, что все-таки отличает один тип толпы от другого и что должна изучать не психология, а социология толпы. Предметом изучения социологии в этом случае должно быть не столько непосредственное поведение массы, сколько его установки и результат.

Характерной чертой современной эпохи, считает Московичи, является «массификация», «массовизация» людей и даже целых стран. Этому способствуют урбанизация, индустриализация, глобализация и т. д.

В теории Московичи понятие толпы весьма расширительно. Как и Г. Тард, он считает, что помимо толп анархических, аморфных, стихийных

существуют толпы организованные, дисциплинированные (например, политические партии, государственные структуры, организации типа церкви, армии и др.). Это «превращенные» формы толпы. Толпа может трансформироваться в публику. Публика – это толпа искусственная, «толпа на дому». Даже у себя в квартире, слушая радио, сидя у телевизора, мы объединены психологически, открыты для внушения.

Социально-психологические исследования С. Московичи феноменов массы, толпы, на наш взгляд, дифференциация и типологизации толпы представляют определенный интерес для социологии, социальной философии и других общественных наук и могли бы быть полезными для властей различных уровней в выработке отношений к различным типам толп. Поэтому мы сочли необходимым опубликовать некоторые фрагменты данной работы С. Московичи, которые, несомненно, вызовут интерес у читателей нашего журнала.

С. Московичи

ЧАСТЬ 1. ВЕК ТОЛП*

ГЛАВА I. ИНДИВИД И МАССА

I

Если бы вы попросили меня назвать наиболее значительное изобретение нашего времени, я бы, не колеблясь, ответил: индивид. И по причине совершенно очевидной. С момента появления человеческого рода и до Возрождения горизонтом человека всегда было мы: его группа или его семья, с которыми его связывали жесткие обязательства. Но, начиная с того момента, когда великие путешествия, торговля и наука выделили этот независимый атом человечества, эту монаду, наделенную собственными мыслями и чувствами, обладающую правами и свободами, человек разместился в перспективе я или я сам. Его ситуация вовсе не легка. Индивид, достойный этого имени, должен вести себя согласно своему разуму, надо полагать, судить бесстрастно о людях и вещах и действовать с полным сознанием дела. Он должен принимать чужое мнение только с достаточным на то основанием, оценив его, взвесив все за и против с беспристрастностью ученого, не подчиняясь суждению авторитета или большинства людей. Итак, мы от каждого ожидаем, что он будет действовать рассудительно, руководствуясь сознанием и своими интересами, будь он один или в обществе себе подобных. Между тем наблюдение показывает, что это вовсе не так. Любой человек в какой-то момент пассивно подчиняется ре-

* Печатается по: *Московичи, С.* Век толп. Исторический трактат по психологии масс ; пер. с фр. – М.: Центр психологии и психотерапии, 1998. – С. 36–53.

шениям своих начальников, вышестоящих лиц. Он без размышления принимает мнения своих друзей, соседей или своей партии. Он принимает установки, манеру говорить и вкусы своего окружения. Даже еще серьезнее, с того момента, как человек примыкает к группе, поглощается массой, он становится способным на крайние формы насилия или паники, энтузиазма или жестокости. Он совершает действия, которые осуждает его совесть и которые противоречат его интересам. В этих условиях все происходит так, как если бы человек совершенно переменился и стал другим. Вот ведь загадка, с которой мы сталкиваемся постоянно и которая не перестает нас изумлять. Английский психолог Бартлетт в одной классической работе очень точно замечает по поводу человека государства: «Великая тайна всякого поведения – это общественное поведение. Я вынужден был им заниматься всю свою жизнь, но я не претендовал бы на то, что понимаю его. У меня сложилось впечатление, что я проник насквозь в глубину человеческого существа, но, однако, ни в малейшей степени не осмелился бы утверждать ничего о том, как он поведет себя в группе»[1].

Откуда такое сомнение? Почему же невозможно предсказать поведение друга или близкого человека, когда он будет находиться на совещании специалистов, на партийном собрании, в суде присяжных или в толпе? На этот вопрос всегда отвечают следующим образом: потому, что в социальной ситуации люди ведут себя недобросовестно, не обнаруживают своих лучших качеств. Даже напротив! И речи не идет о том, чтобы добавить нечто друг другу, взаимно усовершенствоваться, нет, их достоинства имеют тенденцию убывать и приходить в упадок. В самом деле, уровень человеческой общности стремится к низшему уровню ее членов. Тем самым все могут принимать участие в совместных действиях и чувствовать себя на равной ноге. Таким образом, нет оснований говорить, что действия и мысли сводятся к «среднему», они скорее на нижней отметке. Закон множества мог бы именоваться законом посредственности: то, что является общим для всех, измеряется аршином тех, кто обладает меньшим. Короче говоря, в сообществе первые становятся последними.

Никакого труда не составило бы выстроить обширную антологию, доказывающую, что эта концепция распространяется на все народы. Так, Солон утверждал, что один отдельно взятый афинянин – это хитрая лисица, но когда афиняне собираются на народные собрания в Пниксе, уже имеешь дело со стадом баранов. Фридрих Великий очень высоко ценил своих генералов, когда беседовал с каждым из них по отдельности. Но при этом говорил о них, что собранные на военный совет, они составляют не более, чем кучку имбецилов. Поэт Грильпарцер утверждал: «Один в отдельности взятый человек довольно умен и понятлив; люди, собранные вместе, превращаются в дураков».

[1] *Bartlett, F.* Remembering. – Cambridge, 1932. – P. 24.

Немецкие поэты были не единственными, кто констатировал этот факт. Задолго до них римляне придумали поговорку, которая имела большой успех: Senatores omnes boni viri, senatus romanus mala bestia, сенаторы – мужи очень достойные, римский сенат – это скверное животное. Так они определяли контраст вероятных достоинств каждого сенатора в отдельности и неблагоразумие, неосмотрительность и нравственную уязвимость, запятнавшую совместные обсуждения в собрании, от которых зависели тогда мир или война в античном обществе. Возвращаясь к этой пословице, Альберт Эйнштейн восклицает: «Сколько бед такое положение вещей причиняет человечеству! Оно является причиной войн, наводняющих землю скорбью, стонами и горечью»[1].

«…»

Эта интерпретация подчеркивает двойной аспект одного и того же упрямого и фундаментального факта: взятый в отдельности, каждый из нас в конечном счете разумен; взятые же вместе, в толпе, во время политического митинга, даже в кругу друзей, мы все готовы на самые последние сумасбродства.

«…»

III

Вот ведь какая проблема встает. Вначале есть только люди. Как же из этих социальных атомов получается коллективная совокупность? Каким образом каждый из них не только принимает, но выражает как свое собственное мнение, которое пришло к нему извне? Ведь именно человек впитывает в себя, сам того не желая, движения и чувства, которые ему подсказываются. Он открыто учиняет разнузданные расправы, причин и целей которых даже не ведает, оставаясь в полной уверенности, что он знает о них. Он даже склонен видеть несуществующее и верит любой молве, слетающей с уст и достигающей его слуха, не удостоверившись как следует. Множество людей погрязают таким образом в социальном конформизме. За разумную истину, они принимают то, что в действительности является общим консенсусом.

Феноменом, ответственным за столь необычное превращение, становится внушение или влияние. Речь идет о своего рода воздействии на сознание: какое-то приказание или сообщение с убеждающей силой заставляют принять некую идею, эмоцию, действие, которые логически человек не имел ни малейшего разумного основания принимать. У людей появляется иллюзия, что они принимают решение сами, и они не отдают себе отчета в том, что стали объектом воздействия или внушения. Фрейд четко обозначил специфику этого феномена: «Я хотел бы высказать мнение относительно различия между внушением и другими типами психического

[1] *Einstein, A.* Ideas and Opinions. – N. Y., 1945. – P. 54.

воздействия, такими, как отданный приказ, информирование или инструкция; так вот, в случае внушения в голове другого человека вызывается какая-то идея, не проверенная с самого начала, а принятая в точности так, как если бы она стихийно сформировалась в его голове»[1].

Соответственно, здесь еще и загадка производимого перевертыша: каждый считает себя причиной того, чему он является лишь следствием, голосом там, где он только эхо; у каждого иллюзия, что он один обладает тем, что, по правде говоря, он делит с другими. А в конечном счете каждый раздваивается и преображается. В присутствии других он становится совсем иным, чем когда он один. У него не одно и то же поведение на людях и в частной жизни. Я хотел бы заключить этот обзор одной аналогией: внушение или влияние – это в коллективном плане то, что в индивидуальном плане является неврозом. Оба предполагают:

– уход от логического мышления, даже его избегание, и предпочтение алогичного мышления;

– раскол рационального и иррационального в человеке, его внутренней и внешней жизни.

И в том и в другом случае наблюдается утрата связи с реальностью и потеря веры в себя. Соответственно, человек с готовностью подчиняется авторитету группы или вожака (который может быть терапевтом) и становится податливым к приказаниям внушающего. Он находится в состоянии войны с самим собой, войны, которая сталкивает его индивидуальное «Я» с его «Я» социальным. То, что он совершает под влиянием сообщества, находится в полном противоречии с тем, каким он умеет быть рассудительным и нравственным, когда он наедине с самим собой и подчиняется своим собственным требованиям истины. Я продолжаю аналогию. Так же, как это влияние может охватить и поглотить человека, вплоть до его растворения в такой недифференцированной массе, где он представляет собой не более, чем набор имитаций, так и невроз подтачивает сознательный слой личности до такой степени, что его слова и действия становятся не более, чем живым повторением травмирующих воспоминаний его детства.

Но совершенно очевидно, что их последствия противоположны. Первое делает индивида способным существовать в группе и надолго лишает способности жить одному. Второй мешает ему сосуществовать с другим, отталкивает его от массы и замыкает в себе самом. В итоге воздействие представляет социальное, а невроз — асоциальное начала. Этим не исчерпывается перечисление противоречий, возникающих между двумя антагонистическими тенденциями, состоящими одна в смешении с группой, другая – в защите от нее. Доведенные до крайности в современном обществе, они обострились. Единственное, с чем нам, безусловно, нужно считаться, – с тем, что так называемые коллективные «безумия» имеют иную

[1] *Freud, S.* Preface to Bernhelm. – Standard Edition. – T. I. – P. 82.

природу, нежели так называемые индивидуальные «безумия», и нельзя необдуманно выводить одни из других. После всего сказанного очевидно, что первые возникают вследствие избытка социабельности, когда индивиды врастают в социальное тело. Вторые же являются результатом неспособности существовать вместе с другими и находить в совместной жизни необходимые компромиссы. Что и говорить, это сопоставление не случайно. С самого начала одни и те же люди изучали воздействие, или влияние, и гипноз. Первое связывалось с коллективной истерией, а второй – с истерией индивидуальной. Нужно все-таки признать замечательное мужество Ле Бона и Фрейда, дерзнувших придать этим феноменам научный смысл. Одного, поместившего внушение в центр психологии масс; другого, невроз – в сердцевину психологии индивида.

Никто всерьез не проверял эти гипотезы относительно влияния или внушения. В социальной жизни, существует такое убеждение, зачастую бывает, что менее благородные слои психики замещают более благородные слои, жгучие инстинкты оттесняют холодный рассудок так же, как в природе более благородные энергии (гравитация, электричество) вырождаются в энергию менее благородную, то есть в тепло. Это убеждение сходно с широко распространенным мнением, что в борьбе разума со страстью всегда побеждает страсть. Именно потому, что мы общественные существа.

Тысячи лет люди сталкиваются с аналогичными идеями и пытаются объяснить, почему отдельно взятые люди логичны и предсказуемы, в то время, как собранные в массу, они становятся алогичными и непредсказуемыми. Однако с того момента, как им захотелось сделать это предметом науки, необходимо стало четко проанализировать причины и следствия. Только при этом единственном условии можно продвинуться туда, где мудрость народов, их поэтов и философов прокладывает тропу. Объект этого любопытства остается неизменным. Нас он интригует так же, как интриговал их.

ГЛАВА II. ВОССТАНИЕ МАСС

I

Для того чтобы родилась наука, недостаточно одного только существования феномена – он известен уже тысячи лет. Недостаточно и его причудливого своеобразия, привлекающего некоторых ученых, неравнодушных к новизне. Необходимо также, пусть эпизодически или безобидно, чтобы он распространялся, настолько быстро и повсеместно, не давал бы людям спать, становясь проблемой, которую нужно решать безотлагательно. Кто занимался товарно-денежным обменом до того, как рынки заполонили мир? Кто интересовался истерией до того, как душевнобольных стали изо-

лировать, а душевные болезни в полной мере заявили о себе? Никто или почти никто. Так и внушение или влияние властны превращать личностей в массы, но они извлекаются из глубины здравого смысла и заявляют о себе, они становятся центральной темой психологии толпы, лишь когда они ширятся и приобретают определенный размах. Их обнаруживает почти повсюду каждый, наблюдая, какие метаморфозы испытывают люди, окунувшиеся в массу, бурлящую на улицах, в конторах, на заводах, политических митингах и т. д. Да, к концу прошлого века внушение превратилось в явление повсеместное благодаря череде кризисов, основательно потрясших общество. И вот симптомы. Прежде всего, это крах под упорным натиском капитала и революций старого докапиталистического режима. Дал трещины и начал разваливаться устойчивый мир семьи, соседских отношений, сел. В своем падении он увлек за собой традиционные религиозные и политические устои, а так же духовные ценности. Вырванные из родных мест, из своей почвы люди, собранные в нестабильные городские конгломераты, становились массой. С переходом от традиции к модернизму на рынок выбрасывается множество анонимных индивидов, социальных атомов, лишенных связей между собой. Этот сдвиг немецкий социолог Tonnies описал с помощью замечательной метафоры перехода от теплого – естественного и непосредственного, основанного на кровных узах сообщества соседей, от родственности убеждений – к холодному, искусственному конгломерату и принуждению, базирующемуся на согласии интересов, на выгодах, которые одни могут получить через других, и на логике науки. Эта метафора имела большой резонанс, поскольку она иллюстрирует один из важных аспектов перелома, возникшего при переходе от вчерашнего общества к сегодняшнему. Быстрая механизация промышленности, символизирующаяся паровой машиной, и концентрация мужчин, женщин и детей, превращенных заводом в массу, отданных в повиновение машине, эксплуатируемых предпринимателями, превращают города в поля сражений: новые бедные противостоят здесь новым богатым. Эти последствия во всех странах выражаются в резком и мощном подъеме рабочего класса. Он вооружается новыми средствами борьбы, например забастовка, и оснащается новыми, еще невиданными формами организации: профсоюзами и партиями, которые направляют этот человеческий поток, обеспечивают его кадрами и меняют расстановку сил в политической игре. В то время «чернь» выходит на улицу не для того, чтобы чествовать какого-нибудь святого заступника, участвовать в карнавале или устраивать жакерию: она борется со своими хозяевами, освистывает патронов, которые не занимаются их проблемами, и требует положенного. Английский историк Hobsbawn отмечает перманентный характер требований: «Чернь выступала не только в знак протеста, но с совершенно определенной целью. Она предполагала, что власти будут восприимчивыми к ее волнениям и немедленно пойдут на какие-либо уступки: толпа манифестантов представляла собой не только

какое-то скопление мужчин и женщин, движимых целью ad hoc, но постоянную сущность, хотя и редко стабильно организованную»[1].

Этот текст четко выявляет существование толпы или черни, место ее скопления – улицу и ее действия протеста. Он особенно подчеркивает их угрожающий характер, способный одним своим присутствием заставить власти пойти на уступки. Рабочий класс все более и более загорается идеалами грядущей революции, генеральную репетицию которой инсценируют его руководители. Быть может, социализм и был новой идеей, отпочковавшейся от бессмертного мифа о справедливости. Но он, однако, будил у многих память о терроре и разрушении. А особенно во Франции, где со времен Великой революции и контрреволюции следовали одна за другой, и никто не мог предвидеть конца. Разве не заявлял Огюст Конт, что главная проблема социальной реформы – это проблема консенсуса, обретенного нравственного единства? Судя по ходу вещей, это не консенсус и единство, а баррикады, кровопролитные уличные бои с равномерными промежутками времени. Они предвосхищают будущие времена и являются осязаемыми признаками втягивания новых человеческих масс в орбиту истории.

Наконец, и это еще одна черта эпохи, в скученности больших городов выковывается новый человек. «Кишащий город, город, полный грез» для поэта; город, полный разочарований для рабочего человека. На его необъятном рынке рождается массовая культура и массовые формы потребления. Один за другим на подмостках общества появляются коллективный служащий, коллективный интеллектуал, коллективный потребитель: стандартизированными становятся мысли и чувства. Все эти «циклотроны», эти социальные ускорители низводят индивидов до уровня все уменьшающихся частиц. Они обрекают их на существование анонимное и эфемерное. Гигантский штамповочный станок уже выполняет свою роль фабрики коммуникаций: он отливает умы в единообразные, стандартные формы и обеспечивает каждой человеческой единице соответствие заданной модели. Эта эволюция не противоречит Грамши, который отмечал «тенденцию к конформизму в современном обществе более обширную и глубокую, чем раньше; стандартизация образа мысли и действия, достигает национального или даже континентального размаха»[2].

Тем самым возвещается появление нового человеческого типа человека-массы, полностью зависимого от других, обработанного этим исключительного размаха конформистским течением. Он подвергается по сути дела двум типам конформизма: один спускается сверху – от меньшинства, а второй снизу – от большинства. Между обоими идет постоянная борьба: «Сегодня, речь идет о сражении между “двумя конформизмами”, а именно, о сражении за гегемонию, о кризисе гражданского общества»[3].

---

[1] *Hobsbawm, E.J.* Les primitifs de la Rivolte. – Paris, 1966. – P.130.

[2] *Gramsci, A.* Note sul Macchiavelli. – Milan, 1953. – P. 150.

[3] Ibid. – P. 130.

Если довести идею Грамши до логического конца, мы придем к выводу, что в эпоху человека-массы цель конфликтов, терзающих общество, не составляет исключительно и преимущественно власть, которую берут или теряют соответственно расстановке сил. Эта цель — влияние, поскольку оно приобретается или утрачивается согласно тому, какой из двух типов конформизма возобладает над другими.

II

«…»

Впрочем, вплоть до современной эпохи такие толпы появлялись спорадически и играли лишь второстепенную роль. Они, по сути дела, не представляли особой проблемы и не нуждались в специальной науке. Но с того момента, когда они становятся расхожей монетой, ситуация меняется. Если верить Ле Бону, такая возможность толп влиять на ход событий и на политику посредством голосования или же восстания является новшеством в истории. Это признак того, что общество трансформируется. В самом деле, история проявляет себя все более и более как разрушитель: подрывает религиозные верования, разрывает традиционные связи и разрушает солидарность групп. Разобщенные, люди остаются покинутыми в одиночестве со своими нуждами: в джунглях городов, в пустынях заводов, в серости контор. Эти бесчисленные атомы, эти крупицы множества собираются в зыбкую и воспламеняющуюся смесь. Они образуют нечто вроде газа, который готов взорваться в пустоте общества, лишенного своих авторитетов и ценностей – газа, взрывная сила которого возрастает с объемом и все собой подавляет.

«В то время как наши старые убеждения, – пишет Ле Бон как заинтересованный свидетель, – оказываются поколебленными и утрачиваются, прежние опоры общества рушатся одна за другой, единственной силой, которой ничто не угрожает и авторитет которой ширится постоянно, становятся выступления толп. Век, в который мы вступаем, будет поистине эрой толп»[1].

III

Всегда можно подправить этот образ. И даже необходимо это сделать, чтобы еще больше приблизить его к реальности. С тем, что эти толпы являются симптомом какого-то нового состояния человечества, поднимающегося из низов восстания, которое угрожает общественному порядку, согласны все теории. Но согласие по поводу фактов не влечет еще за собой согласия в их объяснении. В связи с этим неудивительно, что катаклизмы истории льют воду на мельницу двух диаметрально противоположных концепций: общества классового и массового. Первая обрела теоретическую

[1] *Le Bon, G.* La Psychologie des follies. – Paris, 1963. – P. 2.

форму у Маркса и Вебера, имея общую почву в политической экономии. Согласно ей, толпы являются явными признаками нового общественного порядка, которые ясно обнаруживают раздробленные и обнищавшие массы, обратившиеся против гнета бюрократии капитала. Сосредоточивая людей, концентрируя машины, он обобществляет производительные силы, превращает общество в гигантский рынок, где все покупается и все продается, включая труд. Тем самым он создает неизвестный до того времени класс – класс пролетариев. Можно принимать или отвергать эту концепцию, безусловно одно: она рассматривает классы как активные действующие силы истории. А среди них выделяется один класс – пролетариат, глашатай современности и главная фигура будущей революции. Массы, заполняющие города, развязывающие гражданскую войну, участвующие во всех этих мятежах, собственно и являются сырьем и внешним выражением трудящейся массы. Ей присущи разные уровни сознательности от пассивного допролетарского до активного героического и истинно пролетарского. Стало быть, чем они обширнее, тем более ясным видением своих сил и целей обладают эти массы и тем большее они будут оказывать давление на развитие общества. Отворачиваясь от прошлого, разрывая тысячи тонких нитей, связывающих их с религией, нацией, с пристрастиями господствующих классов, они тянутся к новому миру, одушевленному наукой и техникой, тогда как старый клонится к закату. Озаренная светом истории, эта модель общества придает смысл коллективным движениям. Она также объясняет их истоки с самых первых шагов. Остальное – не более чем эпифеномены и шлаки бредовой идеологии. Вторая концепция была представлена несколькими последовательными эскизами, сделанными с оригинала, родившегося в недрах психологии толп. Оставляя в стороне ее предшественников, таких как Тэн или Токвиль, необходимо главным образом упомянуть Ле Бона и Тарда, обозначивших ее в основных чертах. «Можно сказать, что именно эта социальная теория имеет, вероятно, сегодня наибольшее влияние в западном мире», – отмечает один социолог по поводу гипотезы массового общества[1].

В этой концепции те эпифеномены и шлаки, о которых я только что говорил, как раз и составляют существо дела. Действительно, снятые с креплений, лишенные привилегий по рождению и по званию, дезориентированные бесконечными переменами, приставшие друг к другу люди и создают невероятный простор для разрастания тех человеческих туманностей, которыми являются толпы. Разумеется, толпы существовали всегда, невидимые и неслышимые. Но в этом своеобразном ускоренном движении истории они разорвали путы. Они восстали, став видимыми и слышимыми – и даже несущими угрозу существованию индивидов и классов из-за их тенденции все перемешивать и все обезличивать. Маскарадные костюмы сняты, мы их замечаем в самом простом одеянии: «Со времен Французской революции, – пишет Канетти, – эти взрывы приобрели форму,

[1] *Bell, D.* The End of Ideology. – Glencoe (Ill.), 1960. – P. 21.

которую мы считаем современной. Быть может, именно потому, что масса была так скоропалительно освобождена от религиозных традиции, нам сейчас гораздо проще увидеть ее освобожденной от тех смыслов и целей, которые ей некогда приписывались»[1].

Оглянитесь вокруг: на улицах или на заводах, на парламентских собраниях или в казармах, даже в местах отдыха вы увидите толпы, движущиеся или неподвижные. Некоторые люди проходят сквозь них, как через чистилище. Другие ими поглощаются, чтобы уже никогда не выйти обратно. Ничто не выразило бы сути нового общества лучше, чем определение «массовое». Оно узнаваемо по его многочисленности, по нестабильности связей между родителями и детьми, друзьями и соседями. О нем можно догадаться по тем превращениям, которые испытывает каждый человек, становясь анонимным: реализация присущих ему желаний, страстей, интересов зависит от огромного числа людей. Можно видеть его подверженность приступам общественной тревожности и тенденции уподобляться, соответствовать какой-то коллективной модели. Согласно этой концепции, изменение состоит не в пролетаризации человека или в обобществлении экономики. Напротив, мы имеем дело с массификацией, то есть со смешением и стиранием социальных групп. Пролетарии или капиталисты, люди образованные или невежественные, происхождение мало что значит: одни и те же причины производят одни и те же следствия. Из разных, совершенно разнородных элементов образуется однородное человеческое тело: масса состоит из людей-массы. Это они действующие лица истории и герои нашего времени. Не стоит искать причин такого положения вещей в концентрации средств производства и в товарообмене, как к этому стремилась теория классового общества; причина в средствах коммуникации, массовой информации, газетах, радио, т. п. и феномене влияния. Внедряясь в каждый дом, присутствуя на каждом рабочем месте, проникая в места отдыха, управляя мнениями и обезличивая их, эти средства превращают человеческие умы в массовый разум. Благодаря своего рода социальной телепатии у многих людей вызываются одни и те же мысли, одни и те же образы, которые, как радиоволны, распространяются повсюду. Так что в массе они всегда оказываются наготове. Когда это на самом деле происходит, то можно наблюдать волнующее незабываемое зрелище, как множество анонимных индивидов, никогда друг друга не видевших, не соприкасавшихся между собой, охватываются одной и той же эмоцией, реагируют как один на музыку или лозунг, стихийно слитые в единое коллективное существо.

«…»

Поразительно, не так ли?

Пора обратиться к следствиям. Логический ход, который сделали авторы этой концепции, прост и смел. Для каждого масса – это спущенная

[1] *Canetti, E.* Masse et puissance. – Paris, 1966. – P. 19.

с цепи толпа, находящаяся во власти инстинктов, без совести, без руководителя, без сдерживающих начал, такая, какой она, в глазах мудреца, проявляет себя на баррикадах. Гигантский, орущий, истеричный монстр, она наводит ужас: «Похоже, – писал Фрейд, – достаточно оказаться вместе большой массе, огромному множеству людей для того, чтобы все моральные достижения составляющих их индивидов тотчас рассеялись, а на их месте остались лишь самые примитивные, самые древние, самые грубые психические установки»[1].

К счастью, можно добавить, иногда случается обратное, и мы видим множество других людей, отдающих свои жизни, идущих на неслыханные жертвы за самые возвышенные этические ценности, за справедливость и свободу. Но с того момента, как массы признаны эмблемой нашей цивилизации, они перестают быть продуктом разложения старого режима. Это уже не превращенная форма общественных классов или эффектные артефакты общественной жизни, не повод к приподнятым, красочным описаниям, сделанным зачарованными или потрясенными свидетелями. Они становятся неотъемлемой принадлежностью общества. Они дают ключ как к политике, так и к современной культуре и, наконец, объясняют тревожные симптомы, терзающие нашу цивилизацию. Посредством этого интеллектуального переворота, психология толп поместила массы в сердцевину глобального видения истории нашего века. Кроме того, она составила соперничество теории классового общества, с которой до сих пор никому не удавалось ни установить связи, ни опровергнуть ее.

IV

Выше я попытался показать, как по поводу одних и тех же феноменов, которые и сейчас еще повторяются на наших глазах, одновременно были выдвинуты два противоположных взаимоисключающих объяснения. Такая двойственность, в сущности, вещь достаточно банальная в науке. Я ее допускаю, ведь концепция массового общества отличается обычным преувеличением, чтобы не сказать упрощением. Она утверждает, что индивид – это неприступная крепость, куда другие проникают посредством внушения с тем, чтобы ее разрушить и вовлечь в это импульсивное неосмысленно действующее коллективное месиво, идея, кажущаяся нам устаревшей и недооценивающей сложности современной истории. Однако ведь не впервые простые и с виду устаревшие идеи позволяют обнаружить неожиданные истины.

Итак, рассмотрим последствия такой двойственности объяснений. То, что для одной концепции является классовой битвой и связывается с надеждами на лучшее будущее, другая называет – по удачному выражению испанского философа Ортеги-и-Гассета – восстанием масс, которое вызывает беспокойство, возвещает эпоху следующих друг за другом кризисов.

[1] *Freud, S.* Essais depsychanalyse. – Paris, 1972. – P. 252.

Теоретики психологии толпы считали это восстание решающим: оно отдает политическую власть в руки массы, не умеющей ею пользоваться, и вызывает страх. Этого страха достаточно, чтобы пробудить желание их познать для того, чтобы увещевать или управлять ими, а также изучать их в научном плане. В своем глазу бревна не видим, а в чужом соломинку замечаем. Т ак открытые противники масс принимали их всерьез и настойчиво стремились обнажить все пружины этой конструкции, чтобы успешнее с ней бороться. Сторонники же чаще всего довольствовались тем, что превозносили их, говоря о массах абстрактно и идеализированно. Они их явно недооценивали. Жестко и смело, с риском шокировать, психология толп отрицает любое их притязание и какую бы то ни было способность изменить мир или управлять государством. Им по их природе не свойственно рассуждать, им не достает способности держать себя в узде для того, чтобы выполнять работу, необходимую для выживания и культурного развития, до такой степени это рабы сиюминутных импульсов и существа, подверженные, внушению со стороны первого встречного. Наше общество видело упадок личности и присутствует при апогее масс. Над ним по сути дела властвуют иррациональные и бессознательные силы, исходящие из его тайных глубин и вдруг обнаруживающие себя явно. Ле Бон выражает это очень четко: «Неосознанное поведение толпы, подменяющее сознательную деятельность личности, представляет собой одну из характеристик нынешнего века»[1].

Кто сейчас мог бы подписаться под таким общим и резким заявлением? Опыт учит нас быть более осмотрительными. Но это заявление имело и теперь, еще имеет исторические последствия, которые никто не властен перечеркнуть. Каждому понятен смысл этого. В противном случае он не приходил бы так часто на ум. Этот смысл таков: решимость поднять восстание масс зависит в первую очередь от их психологии. Она становится «более чем, – по словам Ницше, – дорогой, которая ведет к фундаментальным проблемам». Социология и экономика затрагивают их лишь косвенно и в определенных аспектах.

То, что задолго до всех предполагал этот немецкий философ, понемногу становится общей уверенностью. Иное дело доказать, оправдывается ли она. По мере того, как массы приобретают все большую значимость, явными становятся и негативные последствия. Великий немецкий писатель Герман Брох определяет этот пункт перелома, когда он оправдывает преимущество психологии масс, подчеркивает это утверждении: «Новые политические истины будут основываться на истинах психологических. Человечество готовится оставить экономическую эпоху, чтобы войти в эпоху психологическую»[2].

«…»

© Жовтун Д.Т., сост., 2009

[1] *Le Bon, G.* La Psychologie des follies. Preface.

[2] *Broch, H.* Massenmahntheorie. – Fraefort-sur-le-Main, 1979. – P. 42.